

А. П. СЕРГЕЕНКО. ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ

Мой отец, литератор Петр Алексеевич Сергеевко, знал Антона Павловича Чехова с юных лет. Они учились вместе в одной и той же гимназии, в Таганроге и потом поддерживали дружеские отношения всю жизнь.

Поэтому отец мой, приехав 10 сентября 1900 г. в Ялту с моею сестрой и со мной, тотчас позвонил по телефону из гостиницы к Антону Павловичу, желая повидаться с ним. Антон Павлович предложил отцу прийти к нему на другой день утром.

И 11 сентября утром отец мой отправился на Верхнюю Аутскую улицу, где находился дом Чехова. Мы с сестрой остались в «Московской гостинице». Вдруг через час отец возвращается не один, а с Антоном Павловичем. Оказалось, что отец рассказал ему, что приехал в Крым ради моей сестры. Ей 16 лет, по виду она цветущего здоровья, а чем-то серьезно больна. Никакое лечение не помогает. Теперь надежда на действие южного климата. Выслушав отца, Антон Павлович предложил посмотреть сестру. И сам, будучи нездоров и несмотря на жару, пришел к нам, по дороге спросив отца, сколько сестре и мне лет и как нас зовут.

Они вошли к нам в номер. Антон Павлович был почти высокого роста, в пенсне, красив, худощав, мне показалось, совсем молод — не более 30 лет, а на самом деле ему было уже 40. Он был опрятно одет, в хорошем темно-сером костюме. В руке держал трость.

Когда он здоровался с нами, его лицо озарилось приветливой улыбкой, умные и добрые глаза слегка сощурились. Он, пристально глядя на нас, пожал нам руки своею белою, очень теплою рукою. Я подумал, нет ли у него жару, я знал, что он страдал болезнью легких.

— Здравствуйте, Марина Петровна! Здравствуйте, Алексей Петрович!.. Пришел, Марина Петровна, поговорить с вами о вашем здоровье. Разрешите? Я ведь доктор — вы это знаете?

Отец и я вышли из комнаты, предполагая, что он будет осматривать и выслушивать сестру. Но он, как потом рассказывала сестра, только поговорил с ней, не спуская с нее во время разговора ни на одну минуту глаз и этим способом словно исследуя ее.

Он спросил ее, на что она жалуется. Она сказала, что у нее болит то под ложечкой, то в боку, то тошнит, то ей делается как-то очень не по себе и кружится голова, даже бывают обмороки.

После ее ответов он долго, молча смотрел на нее и спросил:

— Так у вас бок болит?

— Да, болит.

Он опять молча посмотрел на нее и сказал:

— И у меня болит бок... Вы кашляете?

— Да.

Он помолчал и сказал:

— И я кашляю.

Он, очевидно, желал этим внушить сестре, что ничего особенного нет в том, что болит бок и что бывает кашель.

— Вы вегетарьянствуете?— спросил он.

— Да.

— И я тоже вегетарьянствую... Вы что же, круглый год живете в деревне?

— Да.

— Не скучаете?

— Нет.

— Ну, а в театр вас не тянет? Вы любите театр?

— Нет, не люблю.

— Что вы! Полноте! Вам только шестнадцать лет... Вам надо веселиться, наслаждаться жизнью.

Антон Павлович сидел в кресле у стола, а сестра возле стены. Он вдруг встал и подошел к ней. У нее к кофточке была приколотая роза.

— А кто вам эту розу преподнес?— спросил он, точно и это его интересовало как врача.

— Папа.

— Папа!— шутливо повторил он и опять продолжительно и молча смотрел на сестру. Мы тогда с ней не могли понять, для чего он спрашивал о розе, а впоследствии поняли, что этим вопросом он хотел узнать, не ухаживает ли уже кто-либо за ней и сама она не увлекается ли. Повидимому, диагноз стал ему ясен, и он попросил войти в комнату отца и меня.

Он попрощался с сестрой, опять приветливо улыбаясь, прищурив свои ласковые глаза, и вместе с нами вышел из «Московской гостиницы».

Он сказал отцу:

— По-моему, никаких болезней у нее нет. Плохое необъяснимое самочувствие бывает в таком переходном возрасте... Все пройдет само собой. Впоследствии так и оказалось.

Отец спросил Антона Павловича, не знает ли он какого-либо помещения, которое можно было бы снять для нас в Ялте. Антон Павлович сказал, что знает и, удивив меня своей готовностью помочь нам, предложил сейчас же пойти посмотреть это помещение.

Пока мы шли на Верхнюю Аутскую улицу, мы встречали много знакомых Антона Павловича: дам, мужчин, барышень, молодых людей, детей, и все они радостно восклицали:

— Здравствуйте, Антон Павлович! Антон Павлович, доброго здоровья! Здравствуйте, здравствуйте, Антон Павлович!

И он всем кланялся, всех называл по имени или отчеству и снимал свою серую фетровую шляпу, приветливо улыбаясь своей особой, казавшейся мне очаровательной улыбкой.

Подошел к нему молодой красивый татарин с бронзовым от загара лицом и белоснежными зубами. Отведя Чехова в сторону, он стал ему быстро и страстно что-то говорить, возбужденно жестикулируя. Антон Павлович спокойно, сосредоточенно его слушал, правой рукой опираясь на трость, а левой покручивая ус. Когда татарин окончил свой рассказ, Антон Павлович сказал ему, как мне показалось, что-то утешительное, от чего татарин просиял, оскалив свои белоснежные зубы, и, трясая Антону Павловичу руку, прокричал:

— Спасибо, Антон!.. Спасибо, Чехов! Так и будет!

Антон Павлович, сняв свою шляпу, поклонился ему и подошел к нам. Мы пошли дальше. Отец мой стал рассказывать ему о разных петербургских и московских новостях. Антон Павлович молча слушал, слегка наклонив голову. Равномерно шагая, он переставлял в такт шагов свою трость. Время от времени он, покручивая усы, негромко произносил:

— Гм, гм!.. Вот что... Это интересно... Скажи, пожалуйста!

ЧЕХОВ и П. А. СЕРГЕЕНКО

Фотография А. П. Сергеевко,
1900 г.Собрание А. П. Сергеевко,
Москва

Несколько раз пытливо посматривал на меня, как мне казалось, желая понять, что я собою представляю.

Иногда Антон Павлович на ходу тростью откидывал прочь с дороги камешки. Отец по этому поводу один раз вопросительно взглянул на него. Антон Павлович проговорил:

— Магометане учат — убирать с дороги камни, чтобы они не мешали прохожим.

Помещение, которое мы шли осматривать, оказалось уже сданным, и мы повернули обратно. Мы дошли до дома Антона Павловича и стали прощаться. Лицо его опять осветилось улыбкой, и он со всем благожелательством пожал нам руки своею холеною, очень теплою рукой.

Когда я вернулся в гостиницу и увидел сестру, то подумал — уж не сбьлись ли слова Антона Павловича о ней?

Она была всегда меланхолична и молчалива, а сейчас весела и напевала арию из «Кармен». На мой вопрос, почему у нее так изменилось настроение, она ответила, что на нее так подействовал Антон Павлович.

— Ну, какой же он чудный, ласковый, обаятельный!

Мы уехали в тот же день из Ялты, а через восемнадцать дней, 29 сентября 1900 г. мне пришлось вторично увидеть Антона Павловича. Мы пришли к нему с отцом. Опять он поздоровался со своей обычной манерой: доброжелательно, улыбаясь, прищуривая глаза, внимательно вглядываясь. При первом свидании он со мною ни о чем не говорил, а в этот раз, по-видимому, решил узнать меня лучше.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте! — говорил он мне. — Рад ближе познакомиться. Какой высокий! Неужели только четырнадцать лет? И как похож на тебя, — сказал он отцу. — Алексей Петрович? — спросил он меня.

— Да, — ответил я и покраснел от смущения, так как никто еще в жизни меня так не именвал.

— Петр Алексеевич, пожалуйста, садись! Алексей Петрович, садись! — сказал он.

Мне льстило, что он так называл меня. Должно быть, Антон Павлович своим зорким глазом заметил это и продолжал проявлять ко мне особое внимание.

— Где же вы, Алексей Петрович, учитесь и кем хотели бы быть?

Я ответил, что учусь пока дома, а о том, кем быть, еще не думал.

— Да, это я пустой вопрос задал. В самом деле, это придет потом само собой... Так что делается в «Ниве»?— обратился он к моему отцу. У А. Ф. Маркса, издателя «Нивы», печатались его сочинения, что было устроено моим отцом.

Они заговорили об издательских делах, которые меня не интересовали, и я, не прислушиваясь к их разговору, занялся, не вставая со своего стула, осмотром кабинета Антона Павловича и висевших на стенах картин. Разговаривая с отцом, Антон Павлович то и дело поглядывал на меня.

Слушая отца, Антон Павлович часто покручивал свои усы. Он как бы все «наматывал себе на ус», все примечал, все изучал, все запоминал.

Я разглядывал его и еще раз убедился, какое у него красивое, интеллигентное лицо — с небольшой бородкой, со спокойными и несколько грустными глазами, какие изящные манеры. Одно лишь было неприятно, что он, покашливая, подносил носовой платок ко рту и, отплюнув мокроту, рассматривал ее и, иногда, очевидно, заметив в мокроте кровь, огорченно покачивал головою.

Я глядел на картину, на которой был изображен уголок южной деревни.

— Алексей Петрович, а знаете, кто эту картину написал?— вдруг весело спросил меня Антон Павлович.

— Антон Павлович, ну что ты все зовешь его Алексеем Петровичем. Ну, какой же он тебе Алексей Петрович, — сказал мой отец.

— Нет, он уже вполне Алексей Петрович, — шутливо с настойчивостью ответил Антон Павлович. — Так знаете, Алексей Петрович, кто написал эту картину?

Я ответил, что не знаю.

— Прекраснейший от природы художник-самоучка, — со своей милой улыбкой и образовавшимися вокруг глаз лучистыми морщинками говорил Антон Павлович и протянул руку в сторону моего отца. — Вот этот художник.

Я удивился.

— Да, да, Петр Алексеевич мог бы быть превосходнейшим художником, если бы учился... Эти твои «Хатки» — прелестнейшая вещь. Я никогда их не снимаю и всегда люблю. — Вам, Алексей Петрович, плохо оттуда видно, вы встаньте, подойдите ближе. Ну, как, нравится?— спросил он меня, точно для него что-либо значило мое мнение.

— Да, очень нравится.

— Ну вот, я же тебе говорил, — радуясь своей правоте, произнес Антон Павлович, а я еще больше удивился, что он считался с моим отзывом.

Прищурив глаза, Антон Павлович взгляделся в картину и проговорил:

— Да, превосходно. Превосходно исполнено. И Левитан это всегда признавал.

— А что, второй том своих сочинений ты уже получил?— спросил мой отец.

— Да, получил, один экземпляр еще есть. У тебя его нет? Хочешь, подарю?— и Антон Павлович, встав и подойдя к шкафу, достал с полки книгу. Сев за стол, он раскрыл книгу и, обмакнув перо в чернильницу, хотел что-то написать на ней, но отец мой сказал ему:

— Ты уж лучше подари Алеше.

— Ах да, конечно, — спохватившись, проговорил Антон Павлович и, сделав надпись, подал мне книгу. На ней стояло: «Милому Алексею Петровичу Сергеенко на добрую память. Ялта, 29 сентября 1900 года. А. Чехов».

Немало меня удивило, что и в надписи он назвал меня по имени и отчеству, как называл в течение всего разговора.

Со мною был маленький трехрублевый фотографический аппарат «Кодак». Отец сказал Антону Павловичу:

— А Алеша мечтает тебя снять.

— Пожалуйста, Алексей Петрович, ничего не имею против,— проговорил Антон Павлович.

— Антон Павлович, да уж очень право комично, что ты все величаешь его Алексеем Петровичем...

— А это из чувства уважения.

— Но ему же приятнее, чтобы ты звал его просто, как все, Алешей.

— Ах, если приятнее, то пожалуйста... Так что же, Алеша, снимайте.

— Здесь уже очень темно. Надо бы на солнце,— решил сказать я.

— На солнце, так на солнце. Мы выйдем на балкон. Пожалуйста!— предложил Антон Павлович. И добавил:— Да вы, Алеша, распорядитесь мною, как хотите. Все, что нужно, исполню. Пожалуйста, не стесняйтесь.

Вышли на балкон. Я приладил к перилам аппаратик. Антон Павлович стал у противоположной стороны.

— Хорошо так?— спросил он.

Я удовлетворился принятой им позой и хотел уже снять, как он, посмотрев на отца, спросил:

— А ты, Петр Алексеевич, что же не становишься? Я один не буду. Мне одному как-то неловко.

Отец стал возле него, и я снял их. На фотографии Антон Павлович стоит, облокотившись о перила и поэтому изогнувшись; кисть его руки красиво свесилась вниз. После этого я спросил у Антона Павловича разрешение снять его дом. Он ответил:

— Да, пожалуйста, Алеша, сделайте одолжение. Снимайте все, что вам угодно.

Мы стали прощаться. Антон Павлович захотел нас проводить до гостиницы. Мы шли татарским поселком. Нам встретила молодая, высокая, красивая, стройная татарка, нарядно одетая, с сотнями монет, навешанных на груди.

— Вот бы ее снять,— сказал мне отец, когда она прошла мимо нас.

— Так что же, хочешь — я с ней заговорю, я с ней знаком,— проговорил Антон Павлович, уже оборачиваясь назад, чтобы позвать татарку. И меня опять удивило, до какой степени он был готов сделать другому какое-либо одолжение.

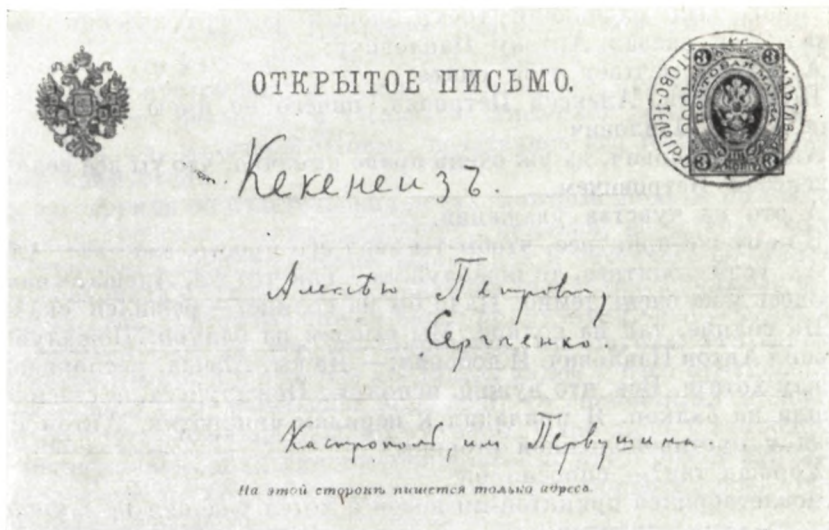
— Да нет, пленки, кажется, уже все израсходованы,— ответил отец, и мы пошли дальше.

Когда мы прощались с Антоном Павловичем, он мне сказал:

— Ну, спасибо, Алеша, что навестили меня. Благодарю и за фотографирование.

В его голосе, взгляде и рукопожатии чувствовалось, что это было сказано вполне искренне. Когда мы ушли от него, отец спросил меня, понравился ли он мне. Я ответил, что он «замечательный человек» и что мне хотелось бы что-нибудь для него сделать. Отец сказал, что если это желание у меня серьезно, то оно вполне осуществимо, только от меня потребуются много труда. Антон Павлович мечтает иметь заграничное издание романа Толстого «Воскресение», которое отец привез из Ясной Поляны и показывал Антону Павловичу, но отец должен этот экземпляр вернуть. Я мог бы, пока мы находимся в Крыму, выписать на пишущей машине из заграничного издания все, что выпущено цензурой в русском издании. Отец был уверен, что Антона Павловича порадует такой подарок.

По приезде домой я тотчас принялся за работу, которая оказалась огромной. Из-за нее я не совершал прогулок и совсем не наслаждался красотами Крыма, но охотно приносил эту жертву для Антона Павловича.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ, НА КОТОРОЙ НАПИСАНО ПИСЬМО
ЧЕХОВА к А. П. СЕРГЕЕНКО ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1900 г.
Собрание А. П. Сергеевского, Москва

Вскоре мы должны были уехать из Крыма. Опасаясь, что я не успею выслать Антону Павловичу в Ялту до нашего отъезда свою работу, я написал ему об этом и приложил сделанные мною снимки с него и с его дома. Он мне ответил: «Милый Алеша, большое вам спасибо за фотографии, а главное за память. В Ялте я пробуду, вероятно, до 21 октября, а затем, т. е. после 21-го, мой адрес такой: Москва, Малая Дмитровка, дом Шешкова.

Желаю вам всего хорошего.

Передайте мой поклон и привет Петру Алексеичу и вашей сестре.

Искренно вас уважающий А. Чехов. 9 октября 1900 г.»*

Меня обрадовало, что в письме Антон Павлович назвал меня тоже Алешей, а не по имени и отчеству. Значит, он помнил, что мне, как сказал ему отец, это приятнее. Порадовало и то, что он оценил мое отношение к себе, так как пишет: «Спасибо за фотографии, а главное за память».

Антон Павлович просил нас захватить в Москву для его матери и сестры корзину винограда, когда мы будем уезжать из Крыма. Я исполнил это поручение и видел Евгению Яковлевну, его мать, и Марию Павловну, сестру его. Они закидали меня вопросами о нем. «Антоша, Антоша» не сходило с их уст. Чувствовалось, как безгранична их любовь к нему. Когда я сообщил об этом моему отцу, он сказал: «Они боготворят его, прямо молятся на него». И отец говорил, что Антон Павлович заслуживает такого отношения, потому что он очень хороший сын и брат. Он всегда заботится о всех своих семейных. После этого, конечно, мой восторг перед Антоном Павловичем еще больше усилился, а в последующие годы все, что я узнавал про него, подтверждало мое представление о нем, как о прекрасном человеке.

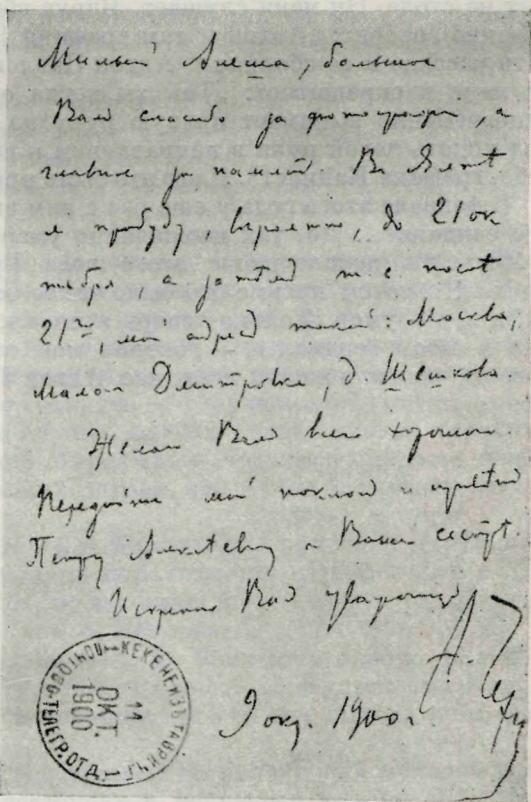
* Автограф хранится у адресата. На обороте открытки — рукою Чехова: «Кехенезз. Алексею Петровичу Сергеевскому. Кастрополь, имение Первущина».

И когда он внезапно скончался 2 июля 1904 г., это показалось мне более страшным несчастьем, чем происходившая в то время русско-японская война. Я плакал о нем навзрыд.

Отец мой переносил кончину Чехова мучительно тяжело. По вечерам вся наша семья собиралась к общему чаю и в течение недели отец нам рассказывал об Антоне Павловиче. Его рассказы я тогда же записывал в свой дневник. Приведу некоторые из них:

«Я с ним учился, — рассказывал отец, — в Таганроге года четыре. У него тогда было мешковатое, толстое лицо и всегдашняя улыбка. Когда вспоминаю его мальчиком, прежде всего вижу эту его милую улыбку... Потом мы расстались. Через несколько лет у нас была странная встреча, а потом вспоминал ее всю жизнь. Это было в 1878 году. Я стоял на станции Крестной Донецкой железной дороги. Подходит поезд, и прямо рядом со мною и против меня останавливается вагон, и у окна стоит такой стройный, красивый юноша, с пробивающейся растительностью, с прелестной улыбкой (у него и впоследствии всегда была эта улыбка). Он смотрит на меня, должно быть, не вполне узнавая меня, а я смотрю на него и думаю: „Где я видел это лицо?“ — и только когда поезд отошел, вспомнил: „Да ведь это Чехов!“ Мы потом часто с ним вспоминали эту встречу, и он говорил: „И чего это мы с тобой тогда друг с другом не заговорили?“

Прошло много лет. Я, проездом в Петербург, заехал в Москву и встретил наших общих с Чеховым приятелей: Белозерского, Чемоданова, доктора Савельева и других — человек десять. И они говорят, что „здесь Чехов“. А я слышал уже о нем. Он стал тогда печататься под псевдонимом „Чехонте“, как мы его звали в гимназии. Так как я нигде не остановился, то я позвал всех в ресторан Тестова и, увидя Чехова, пригласил

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЧЕХОВА
к А. П. СЕРГЕЕНКО
ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1900 г.

Написано на открытке

Собрание А. П. Сергеевко, Москва

и его. Он очень обрадовался и сказал: „Непременно приду“. И тут он меня очаровал. Веселый, молодой, жизнерадостный, остроумный, красивый. У него тогда вышел первый сборник „Сказки Мельпомены“, и он подарил мне его. Рассказчик он был превосходный, но расходился лишь в очень интимном кругу, а вообще больше молчал. Был очень скромен, всегда держал себя с большим тактом, не искал популярности. Он обладал удивительной способностью быть со всеми в хороших отношениях, и все у него были друзья — и Тихомиров, и Немирович-Данченко, и Гольцев, и Полонский. Между тем он вовсе ни к кому не подлаживался и вел себя со всеми независимо. Он шутник, школяр был всегда невозможный. Получаю, например, письмо, на конверте которого незнакомым мне почерком написано: „От банкирского дома Генриха Блока“. Почему от Генриха Блока? Какое я к этому банкирскому дому отношение имею? В полном недоумении распечатываю конверт, а в нем оказывается письмо, подписанное „А. Чехонте“. Или напишет на конверте: „Доктору философии“ и еще что-нибудь в этом роде. А один раз мы шли по бульвару в Москве целой компанией. Я отошел немного в сторону, вдруг слышу Чехов кричит: „Говоруха-Отрок! Говоруха-Отрок!“ А тогда писатель был такой неприличный — Говоруха-Отрок, не то, что неприличный, а сотрудничал он в ретроградной, отвратительной газете „Московские ведомости“ и все мы, молодые литераторы, его презирали. Я оглянулся. Оказывается, что Чехов мне кричит: „Говоруха-Отрок, Говоруха-Отрок“. Все на меня с удивлением смотрят, а я не знаю, куда мне деваться.

Таким школяром он оставался, несмотря на свой жестокий недуг, до конца своих дней. Ведь еще полгода не прошло, как я был у него в Москве — в феврале этого года. Сидим мы с ним за столом друг против друга, разговариваем. У него правая рука опущена в карман брюк, а левая лежит на столе. Он меня слушает. Вдруг вбегает его жена, шопотом взволнованно говорит: „Антоша, там графиня Капнист приехала, просит тебя дать рассказ в ее сборник“. Антон Павлович ничего не отвечает, смотрит на меня и спрашивает: „Так ты когда опять в Москву приедешь?“ — и одновременно вынимает правую руку из кармана брюк, подсовывает ее под локоть левой руки в направлении к жене и делает кукиш. „На, мол, тебе, графиня Капнист“. И все это было проделано с серьезнейшим видом...

В феврале этого года я еще раз с ним виделся, и это было наше последнее свидание... Да, так неожиданно умер. Хотя в последний мой приезд в Москву в начале июня этого года Грековы говорили, что он очень плох. Но потом письмо его было такое бодрое. Казалось, что он вернется, и вот — умер. Только теперь я понял, какое он огромное место занимал в моем сердце...», — говорил мой отец, и мы, слушая его, чувствовали, что и в жизни всех нас Антон Павлович занимал очень большое место.